

ЛЕНЬ - ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССА

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Сергей Патрушев

Лень - двигатель прогресса

«Автор»

2026

Патрушев С.

Лень - двигатель прогресса / С. Патрушев — «Автор», 2026

Кто на самом деле изобрёл колесо — мускулистый герой или ленивый наблюдатель, которому надоело смотреть, как другие надрываются? Эта книга — дерзкая, остроумная и неожиданно глубокая ода лени. Автор переворачивает привычную картину мира, доказывая: каждое великое изобретение, от рычага до искусственного интеллекта, рождено не усердием, а священным нежеланием делать лишнее. Девять глав проводят читателя сквозь тысячелетия — от первобытной саванны до Кремниевой долины, от ручной стирки у реки до роботов-поваров, от командной строки до голосовых помощников. Вы узнаете, почему лучшие программисты — ленивцы, как работает Закон Паркинсона и зачем прокрастинация нужна мозгу. Это не просто шутка, а манифест разумного бездействия: гимн тем, кто хочет достигать большего, затрачивая меньше. Добро пожаловать в мир, где лень — не порок, а двигатель прогресса.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лень — двигатель прогресса	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Патрушев

Лень - двигатель прогресса

Глава 1. Лень — двигатель прогресса

Чтобы по-настоящему понять скрытую пружину человеческой цивилизации, необходимо со всей решительностью, на какую только способен исследователь, отринуть тот героический миф, который настойчиво, из века в век, из учебника в учебник, вдальбливали нам в головы школьные учителя, университетские профессора и авторы приключенческих романов. Этот миф гласит, что историю двигали вперед исключительно люди действия — мускулистые, волевые, с горящими глазами, которые, презрительно отбросив сомнения, первыми бросались в ледяную воду неразведанных рек, нападали на саблезубых тигров с голыми руками и, обливаясь потом, тащили на своих титанических плечах неподъемные тяжести первобытного быта. Нам рисовали образ человека-прометея, вечно напряженного, как тетива лука, вечно сражающегося, вечно преодолевающего. Однако стоит лишь чуть прищуриться, слегка расфокусировать взгляд, чтобы размыть навязанную героическую патетику, и сквозь толщу тысячелетий проступает совершенно иная, куда более убедительная, хотя и менее пафосная картина. За каждым значительным технологическим рывком, за каждым поворотным пунктом в бесконечной саге человеческого развития стоял вовсе не мускулистый энтузиаст с квадратной челюстью, а некто совсем иного склада: уставший, слегка апатичный, хитро прищуренный предок, чье единственное всепоглощающее желание сводилось к простой и ясной формуле — чтобы его, наконец, оставили в покое и дали спокойно посидеть где-нибудь в тенистом уголке, подальше от палящего солнца и сводящей скулы физической работы.

Истинным отцом прогресса, если уж на то пошло, был не тот, кто с воинственным кличем первым ринулся в бой, размахивая дубиной, а тот, кто первым с облегчением опустился на нагретый солнцем валун, вытянул натруженные ноги и, замерев в блаженной неподвижности, позволил своему сознанию отправиться в свободный дрейф. Это утверждение, звучащее на первый взгляд как ересь или остроумный парадокс, на самом деле требует полного и безоговорочного пересмотра всей эволюционной психологии, всей антропологии и, рискну сказать, всей философии истории. Давайте усилием воображения перенесемся в эпоху, когда мамонты еще не были пыльными скелетами в музейных залах, а представляли собой живую, крайне неприятную, дурно пахнущую, лохматую и феноменально агрессивную реальность. Охота на такого исполина — занятие, которое современные неофиты, размахивающие копьями на исторических реконструкциях, не способны себе представить во всей ее ужасающей полноте. Это был не романтический выезд на природу, не героическая стычка в духе наскальной живописи, где стройные фигурки охотников элегантно поражают грузных зверей. Нет, это был крошечный, выматывающий ад.

Сама подготовка к охоте требовала нечеловеческих усилий. Нужно было отыскать подходящий кремневый желвак, а это означало километры ходьбы по меловым отмелям и осыпям под жгучим доисторическим солнцем. Затем следовали часы кропотливой, нервирующей работы: точными, выверенными ударами нужно было оббить нуклеус, чтобы получить длинные, острые, как бритва, пластины, одна неверная искра — и многочасовой труд летел намарку, превращая ценное сырье в бесполезную груду осколков. Потом эти пластины нужно было закрепить в древках копий, используя сухожилия убитых ранее животных и смолу,

собранную с коры деревьев. Когда оружие было готово, начинался кошмарный марш-бросок. Охотничья партия уходила за горизонт, туда, где паслись мохнатые гиганты. Они шли не по асфальту и не по парковым дорожкам. Они продирались сквозь колючий кустарник, рвавший шкуры на плечах, месили босыми ногами ледяную грязь болот, карабкались по скальным уступам, рискуя сорваться вниз и сломать позвоночник, обезножив тем самым всю общину на месяцы вперед. Ноги ныли, голод скручивал желудок, страх перед внезапным нападением пещерного медведя или стаи гигантских гиен держал сознание в стальном кулаке постоянного стресса.

Наконец, стадо найдено. И тут начиналось самое страшное. Нужно было отделить от стада молодого или ослабленного зверя, подобраться к нему на расстояние броска, координируя действия десятка соплеменников, чей уровень тактической дисциплины немногим превосходил возбужденную стаю гиеновидных собак. Нужно было нанести удар, целясь в уязвимую точку — в брюхо, в пах, в глаз, — но даже смертельно раненый мамонт оставался живой горой ярости и боли. Он мог смести охотника одним движением хобота, превратив его в кровавое месиво; он мог проткнуть насквозь бивнями двоих-троих разом, нанизав их, словно куски мяса на вертел; он мог просто наступить своей колоноподобной ногой, расплющив человека в лепешку, неотличимую от глинистой почвы. Риск гибели был не абстрактной вероятностью, а почти гарантией каждой второй охоты.

Но кульминация ужаса наступала не в момент атаки, а после нее. Когда зверь, наконец, истекал кровью и заваливался на бок, сотрясая землю так, что дрожали деревья на соседнем холме, перед охотниками вставала задача, по своей изнурительности превосходящая все предыдущие. Тонны мяса, жира, внутренностей, драгоценной теплой шкуры и бивней, которые в будущем пойдут на постройку каркасов жилищ и изготовление инструментов, нужно было каким-то чудом доставить в стойбище. Стойбище же, по закону подлости, всегда находилось в десятках километров, потому что стоянки охотничьих партий были временными, а пещеры с наскальной живописью и запасами топлива — далеко. И вот измученные, израненные, голодные люди, только что избежавшие смерти и потерявшие, возможно, пару товарищей, были вынуждены становиться выючными животными. Они нарезали тушу на гигантские, истекающие кровью куски, взваливали их на плечи и, сгибаясь под весом, превосходящим их собственный, начинали многочасовой скорбный путь домой. Позвоночники хрустели, межпозвоночные грыжи и протрузии были профессиональной болезнью каждого уважающего себя охотника на мамонтов. Пот заливал глаза, смешиваясь с запекшейся кровью жертвы и собственной кровью из царапин. Каждый шаг давался ценой невероятного волевого усилия, легкие жгло огнем, ноги заплетались, а в голове билась одна-единственная мысль, которую мы сегодня назвали бы экзистенциальным отчаянием: «Зачем? Зачем я здесь?»

Именно в этот критический момент, на этом изломе коллективного страдания, на сцену выходит Он. Не герой с копьем, не вождь с короной из перьев, а самый ленивый человек в истории. Он не участвовал в общей мясорубке, сказавшись на боль в спине или на дурное предзнаменование. Он сидит на пригорке, в пятнистой тени гигантского доисторического папоротника или чахлого предка современного дуба. Его поза расслаблена, дыхание ровно, взгляд не затуманен выбросом адреналина и кортизола. Пока остальные, издавая гортанные звуки, больше похожие на рев загнанных животных, чем на человеческую речь, пытаются приподнять многотонную тушу, чтобы подsunуть под нее ремни, или, срывая ногти, тащат окровавленные куски по острому щебню, он наблюдает. Он наблюдает с тем особым, отстраненным вниманием, которое доступно лишь тому, чьи мышцы полностью расслаблены. Он смотрит на эту картину абсурда и иррациональности, на эту коллективную каторгу, на этот пир физиче-

ского насилия над человеческим телом, и в его голове не возникает ни сочувствия, ни желания помочь. Его мозг, свободный от тирании мышечной усталости, занят совершенно иной работой. Он думает не о том, как наварить побольше жирного супа, не о том, как выслужиться перед вождем и получить лучший кусок печени, и уж точно не о продолжении рода. Он думает о том, как сделать так, чтобы ему никогда, ни при каких мыслимых и немыслимых обстоятельствах, не пришлось присоединиться к этому кошмару. Его цель не добыть мамонта, его цель — избежать работы.

Его расфокусированный взгляд скользит по окровавленной туше, по согнутым спинам сородичей, по их напряженным, вздувшимся жилами ногам, и вдруг, подчиняясь чистой случайности — а на самом деле глубокой нейробиологической предрасположенности к поиску закономерностей, — его внимание выхватывает из общего хаоса одну деталь. Рядом с тушей лежит гладкий, прямой, лишенный коры ствол упавшего дерева, обточенный ветром и временем. В его сознании, не зашумленном криками боли и ярости, медленно, словно медовый ручей по весеннему склону, начинает формироваться ментальная картинка, пока еще смутная, как утренний туман над рекой. Если тушу не поднимать и не нести, изнуряя плоть до полного истощения, а накатить на этот ствол, а потом толкать его, прилагая усилие не вверх, а вперед, вдоль плоскости земли, то трение многократно уменьшится. Сопротивление среды будет сломлено не мускулами, а геометрией. Усилие, необходимое для перемещения груза, рухнет в десятки, если не в сотни раз. Это была догадка такой мощи, что перед ней меркнут все последующие законы термодинамики. Для этого открытия не требовалось быть силачом. Оно не требовало взрывной мощи ног или железного хвата рук. Оно требовало одного-единственного, редко встречающегося в суетном мире ресурса — неподвижности. Требовалось просто перестать участвовать в бесконечной суете племени, остановить этот хоровод панического коллективного действия, замереть и дать своему драгоценному мозгу время на создание простейшей, но гениальной нейронной связи. Так, в тишине созерцательного безделья, было изобретено колесо, или, точнее, его предтеча — каток. И изобрел его не тот, кто, рыча от натуги, тащил на себе кровавый груз, а тот, кому было категорически, органически, до глубины души лень тащить. Лень стала первым в истории фильтром высокой точности, безжалостно отсекавшим неэффективное, энергозатратное, тупое действие от кристально чистой потенциальной мысли. Это был величайший акт неповиновения грубой физической реальности, акт интеллектуального бунта, рожденный элементарным, почти животным, но таким человеческим нежеланием шевелиться.

Этот же самый глубинный принцип, эта же механика души лежит в основе изобретения рычага. Школьная традиция приучила нас к поэтичному, но совершенно искажающему реальность образу Архимеда, который, стоя в развевающемся гиматии на фоне белоснежных Сиракуз, гордо восклицает: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю!» Но реальный, аутентичный Архимед, которого мы ищем, жил не в эллинистическом полисе, а за десятки, если не сотни тысяч лет до этого, в эпоху, когда точкой опоры мог служить лишь случайный обломок скалы. Он стоял, а точнее, полулежал, опершись спиной о шершавый бок огромного валуна, который загораживал удобный, найденный проход к источнику пресной воды. Этот валун был проклятием племени. Каждый поход за водой превращался в акробатический этюд с риском переломать ноги, особенно в сезон дождей, когда глина раскисала и становилась скользкой, как лед. Соплеменники, натужно ревя и срывая голосовые связки, уже битый час пытались сдвинуть эту глыбу голыми руками. Они обвязывали ее лианами, впрягались всем племенем, словно упряжка волов, их босые ступни скользили по размокшей земле, оставляя глубокие, заполняющиеся мутной водой борозды. Это был спектакль сизифова труда в его самом чистом, еще не описанном Гомером виде.

Наш герой смотрел на это безобразие с глубочайшим, почти физиологическим отвращением. Ему было лень даже подойти поближе, чтобы получше рассмотреть причину всеобщего переполоха. Он стоял на безопасном расстоянии, опершись на длинную, неожиданно прямую и прочную палку, которую обычно использовал, чтобы не ходить за упавшими плодами, не лазить по веткам, рискуя свернуть шею, а лениво сбивать их точным ударом прямо в подставленную корзину. Сама эта палка уже была продуктом лени, маленьким шедевром эргономики. И вот, пока толпа пыхла, бранилась и скользила, он лениво, почти машинально, без какой-либо определенной цели, просто чтобы дать рукам занять привычное положение, просунул конец своего универсального шеста под край валуна. Не потому, что хотел помочь, упаси боже, а потому что валун мешал лично ему, мозоля глаза своей неуместностью, и искать другое, более удобное место для наблюдения за всеобщей суетой было тоже лень. Он навалился на длинный конец шеста всем весом своего отдохнувшего, не измученного непосильным трудом тела. И тут произошло чудо механики, заставившее замереть всю ораву крикунов. Камень, этот монолитный, подавляющий волю символ незыблемости и препятствия, шевельнулся. Он качнулся, издав низкий, утробный звук трения камня о камень, и сдвинулся на ладонь, на две, на целый локоть. Плечо силы, помноженное на священную лень, сдвинуло миниатюрную гору. Мозг наблюдателя, не скованный паникой и мышечным напряжением, мгновенно зафиксировал абстрактный принцип: слабое, почти незаметное усилие, приложенное к длинному концу палки, порождает чудовищную, непостижимую мощь на коротком. Так был открыт закон рычага, этот несущий элемент всей строительной механики, всей инженерии, всей архитектуры, от дольменов до готических соборов. И открыл его не амбициозный строитель пирамид, мечтающий оставить след в веках, а ленивый созерцатель, которому попросту надоело слушать раздражающее, монотонное пыхтение товарищей, мешавшее ему наслаждаться тишиной и покоем. Он понял глубинную, фундаментальную истину бытия: умный работает головой, сильный — руками, а ленивый — это и есть умный, потому что он категорически, на клеточном уровне не хочет работать руками.

Эволюция ленивца — это вовсе не забавный зигзаг, не маргинальная тупиковая ветвь на древе эволюции, а, вероятнее всего, магистральный, столбовой путь развития разума как такового. Давайте откажемся от плоской, карикатурной картинки обезьяны, которая слезла с дерева, чтобы подобрать банан, и от нечего делать, почти случайно, превратилась в человека, выпрямив спину. Реальная история куда сложнее и честнее. Мы должны представить себе обезьяну, которой было категорически, до дрожи в хвосте, лень слезать. Она сидела на удобной развилке ветвей, в объятиях прохладной листвы, и ее сознание, не отвлекаясь на сокращения мышц, необходимые для лазания, было целиком и полностью поглощено одной-единственной мыслью: как достать этот проклятый банан, свисающий с соседней ветки, не делая ни одного лишнего телодвижения? Если банан далеко, можно взять палку и подтянуть его. Если палки нет, можно связать две лианы, чтобы получить длинный трос. Процесс связывания, плетения узлов, мысленного расчета траектории броска требовал не мускульной силы, а взрывного роста нейронной активности, создания новых синаптических связей, усложнения коры больших полушарий.

Здесь вступает в игру суровая биохимическая арифметика. Мозг — самый невероятно энергозатратный орган в человеческом теле. Составляя лишь два процента от общей массы, он потребляет около двадцати процентов всей энергии, добываемой организмом из пищи. Активно двигаться, напрягать крупные мышечные группы и одновременно мыслить на высоком уровне абстракции — задача практически невыполнимая. Ресурсы организма, потоки кислорода и глюкозы, в этом случае перераспределяются в пользу мускулов, оставляя мозгу жал-

кие крохи на поддержание базовой жизнедеятельности. Следовательно, чтобы мыслить по-настоящему эффективно, чтобы погружаться в глубины абстракции и строить сложные ментальные модели реальности, необходимо физически замереть. Состояние полного физического покоя — это не порочное безделье, не зря прожитое время, это жизненно необходимое переключение всей биологической системы в режим внутренней симуляции. Это загрузка процессора, отключение графического интерфейса тяжелых физических задач и направление всей вычислительной мощности на решение единственной нетривиальной проблемы.

Наш ленивый предок, безмятежно сидящий на камне, был, по сути, первым хакером материальной реальности. Пока все его племя, словно растревоженный муравейник, тратило калории с безумной скоростью, изнашивало суставные хрящи до кости, ломало кости в прямых столкновениях с агрессивной средой, он искал короткий путь. Он искал эксплойт, уязвимость в суровом коде физического мира. Сам термин «ленивый» в современном мире несет тяжелую, уничижительную, морализаторскую коннотацию. Ленивым клеймят двоечника, бездельника, того, кто отлынивает от обязанностей. Но если мы снимем это веками нараставшее культурное наслоение, если мы посмотрим на суть явления без гнева и пристрастия, мы увидим, что лень — это не что иное, как энергоэффективность, доведенная до уровня высокого искусства, до экзистенциальной стратегии. Ленивый человек не хочет делать работу. Но это критически важное уточнение: он не хочет делать именно работу, а не получать результат. Он страстно, всепоглощающе хочет получить результат, но без промежуточной стадии, без самой работы. И в этом вся суть техники, вся ее метафизика. Техника — это уловка, космический трюк, хитроумное приспособление, позволяющее обмануть фундаментальные физические законы, получив максимум полезного выхода при минимуме вложенной механической энергии. Вся история технологии, если рассматривать ее без романтических иллюзий, — это не летопись героических прорывов, а скрупулезная бухгалтерская книга, в которую человечество записывало способы последовательного избавления от необходимости напрягать мышцы.

Огонь — вот поистине царственный пример. Официальная героическая версия, кочующая из учебника в учебник, вещает нам о Прометее, похитившем искру у богов, или о смельчаке, который не побоялся подойти к горящему от удара молнии дереву и принести ветку в пещеру. Но давайте проведем мысленный эксперимент, используя логику лени. Зачем вообще нужно было поддерживать огонь? Носить горящие головешки с места лесного пожара было страшно, неудобно и травмоопасно, требовало постоянной концентрации внимания, отвлекало от более приятных занятий. Принесенный в пещеру огонь становился тираном. Он требовал непрерывного кормления, и кто-то должен был постоянно бегать по окрестному лесу, собирая сучья и валежник. Это был бесконечный, монотонный круг обязанностей. Кому первому пришла в голову дикая, на первый взгляд, мысль, что тереть сухую палочку о дощечку в течение многих часов, до кровавых волдырей на ладонях, до ощущения, что руки сейчас отвалятся, — это хорошая идея? Эта мысль могла прийти только тому, кто довел ненависть к беготне за дровами до логического предела. Тому, кому было мучительно, до зубовного скрежета лень поддерживать вечный костер. Он устал ходить. Он устал от этой бесконечной, изнурительной челночной миграции между пещерой и лесной чащей. Он сел, зажал палочку между ладоней и начал вращать ее, потому что это действие, при всей его механической монотонности, не требовало ходьбы. Он мог сидеть на месте, погрузившись в транс повторяющихся движений, и получить огонь здесь и сейчас, не вставая с нагретого камня. Сверление и трение — процессы по своей сути медитативные, усидчивые, требующие не взрывной силы и прыти, а запредельного терпения и статичности. Человек получил универсальный огонь не как случайный дар небес, а как закономерный плод своего усидчивого сидения на одном месте. А дальше произошла магия положительной обратной связи. Огонь позволил термически обрабатывать пищу,

расщепляя сложные белки и углеводы, делая их несравненно более легкими для переваривания. Организм, который раньше тратил колоссальные ресурсы на работу кишечника, теперь высвободил гигантский энергетический излишек. И этот излишек, повинувшись эволюционной логике, был перенаправлен вверх, в черепную коробку, на дальнейшее увеличение и усложнение мозга. Круг сомкнулся с изяществом математической формулы: лень породила мозг, мозг породил огонь, огонь высвободил дополнительную энергию для еще более крупного мозга, а тот, в свою очередь, немедленно принялся придумывать новые, еще более изощренные и эффективные способы лениться.

Тот самый момент, когда первый ленивый предок, раздираемый не жадой подвига, а желанием комфортного бездействия, сел на камень и задумался, стал когнитивным Большим взрывом, по сравнению с которым все последующие революции — сельскохозяйственная, промышленная, информационная — всего лишь мелкая рябь на поверхности реальности. Он совершил фундаментальный акт отделения намерения от непосредственного физического действия. Животное, наш брат меньший, действует в жесткой сцепке «стимул — реакция». Голоден — иди и убей, или сорви, или выкопай. Холодно — беги и прячься, зарывайся в листву, ищи убежище. Реакция следует за стимулом с неотвратимостью падающего домино. Человек же, усевшийся на камень, вставил между этими двумя событиями паузу, вольную задержку, пространство мысли. Голоден? Вместо того чтобы срываться с места и бежать загонять антилопу по раскаленной саванне до полного изнеможения, рискуя получить смертельный тепловой удар, он сидит и размышляет. Его мысль движется по кругу, выискивая брешь в мироздании. Как сделать так, чтобы антилопа сама, добровольно, пришла к нему? Как инвертировать субъект и объект охоты? И вот в его мозгу, в этой бездонной чаше неподвижности, рождается идея ловушки. Ловушка — это апофеоз лени в охотничьем деле, ее абсолютная вершина. Можно потратить целый световой день, гонясь за быстроногим зверем по пересеченной местности, до кровавых мозолей на ногах, до хрипов в легких, до черных мушек перед глазами. А можно не спеша, вдумчиво вырыть глубокую яму на звериной тропе, замаскировать ее хрупкими ветками, присыпать листьями и пылью, а затем спокойно уйти в тень, лечь на прохладную траву, закрыть глаза и ждать. Яма работает за тебя. Она — твой молчаливый, неутомимый, не требующий ни еды, ни воды, ни поощрения агент. Время, этот неумолимый, пожирающий все и вся ресурс, перестает быть врагом и становится союзником ленивого человека. Ловушка — это автоматизация убийства, вынесение функции умерщвления за пределы собственного организма. Это конвейер смерти, первый в мире производственный процесс, запущенный не волей к власти, а скромным, всепобеждающим желанием поспать подольше.

Взгляните на паука, застывшего в центре своей геометрически совершенной, серебрищейся от росы сети. Вот он, истинный тотем ленивого хищника, его покровитель и святой. Паук не носится как угорелый по округе в поисках мух. Он не тратит драгоценный белок на бессмысленную гонку. Он создает статичную, липкую, смертоносную структуру и замирает в ее центре, экономя энергию и терпеливо ожидая, пока вибрация сигнальной нити не сообщит ему, что обед прибыл сам, без всяких усилий с его стороны. Человек-ленивец пошел ровно тем же эволюционным маршрутом. Он перестал быть агентом действия, перестав быть хищником-преследователем, мускульным актором на сцене бытия. Он стал программистом реальности, архитектором контекстов, тем, кто не бежит за миром, а создает условия, при которых мир сам прибегает к нему. Рыболовная сеть, силки, западня — все это звенья одной цепи, ведущей от мускульного напряжения к интеллектуальному расслаблению.

Когда исследователь переходит к так называемой аграрной революции, перед ним рассыпается в прах еще один могучий культурный миф — миф о добродетельном, святом труженике,

крестьянине, в поте лица своего добывающем хлеб насущный. Переход от бродячего собирательства и рискованной охоты к оседлому земледелию действительно потребовал невиданного доселе объема тяжелого, монотонного труда. Но кто был инициатором этого перехода, кто был тем сумасшедшим инноватором, что заглянул за горизонт привычного? Был ли это мускулистый, загорелый до черноты охотник, который вдруг, ни с того ни с сего, вспылал нежной страстью к ковырянию в грязи и наблюдению за медленным ростом злаков? Абсолютно исключено. Охотник живет в парадигме быстрого дофамина, в мире мгновенных решений и молниеносных наград. Инициатором был собиратель, чья психика заточена на монотонные, требующие терпения операции. И главное — он устал. Он устал до смертной тоски каждый божий день прочесывать дикие, полные опасностей леса и бескрайние луга в поисках съедобных корешков, орехов и ягод. Он устал кланяться каждому кусту, каждому дереву, обдирая руки в кровь о колючие ветки. И вот однажды его осенило. Он заметил, что семена, просыпавшиеся из его корзины в грязь и отбросы возле стойбища, через какое-то время дают всходы. Его мозг сложил два и два. Вместо того чтобы ходить по диким дебрям, подчиняясь капризам природы, он посадит еду прямо у входа в хижину. Он создаст концентрированный, контролируемый источник калорий на расстоянии вытянутой руки. Сама идея оседлости — это не идея труда, это идея максимальной экономии передвижений, это идея лени в ее архитектурном, планировочном выражении. Да, теперь нужно было пахать, но пахота — это циклическое, локальное, ритмичное усилие, которое заменяет собой хаотичный, непредсказуемый, ежедневный марафон собирательства. А затем инерция лени раскручивается дальше. Пахарь, устав ходить за плугом, натирая ноги и срывая спину, изобретает хомут и впрягает в этот плуг вола, а затем и лошадь. Ему лень идти самому по борозде. Он хочет сидеть или идти сзади, управляя процессом. А потом ему надоедает даже ходить за плугом, и он садится на телегу, превращаясь в возницу. Телега — это прямое, биологическое продолжение того самого легендарного бревна, на котором катили тушу мамонта. Лень земледельца, помноженная на наблюдательность, создала тягловую силу животных. Затем ему, разумеется, стало лень таскать тяжеленные ведра с водой для полива, надрывая пупок. И он, почесав в затылке, придумывает систему ирригационных каналов, а затем и водяное колесо с черпаками. Принцип остается неизменным на протяжении веков: пусть работает река, пусть работает ветер, пусть работает вол, но только не я. Я буду сидеть в тени, прислонившись спиной к плетню, и считать нарастающий урожай, изредка отдавая ленивые распоряжения.

Этот принцип, этот категорический императив лени, достиг своего апофеоза в Новое время, но его корни уходят глубоко в ту самую первобытную тень. Знаменитая, почти каноническая история об Исааке Ньютоне, яблоке и законе всемирного тяготения — это не просто милый исторический анекдот, а идеальный, платонический портрет ленивого гения в естественной среде обитания. Ньютон сидел под деревом. Обратите внимание на глагол «сидел». Не бежал, не скакал на лошади, не проводил опыты в лаборатории, обжигая пальцы кислотами. Он сидел. Ему было лень встать и пойти заниматься каким-либо делом. Он предавался тому самому состоянию расслабленной неподвижности, которое является питательным бульоном для любой великой мысли. И когда яблоко, повинаясь еще не открытому закону, сорвалось с ветки и стукнуло его по голове, он не просто потерял уши, выругался сквозь зубы и побежал дальше по своим повседневным делам, как сделал бы на его месте добродетельный, деятельный фермер. Он остался сидеть. Он погрузился в задумчивость такой глубины, что время перестало для него существовать. Почему яблоко упало? Почему оно упало именно вниз, перпендикулярно земной поверхности, а не улетело в сторону, не повисло в воздухе, не закружилось в хаотическом танце? И тут его мысль совершила квантовый скачок, который мог произойти только в мозгу, не отягощенном мышечной активностью. А Луна? Почему Луна не падает? Ведь если сила, приложенная к яблоку, универсальна, она должна действовать и на

Луну. Этот человек настолько фундаментально, настолько экзистенциально не хотел двигаться, что решил разгадать базовые, исходные коды, управляющие движением всего мироздания. Он захотел вывести универсальную формулу, чтобы впредь точно, математически предсказуемо знать, куда и с какой скоростью упадет любой предмет, и больше никогда в жизни не беспокоиться о необходимости уворачиваться или ловить что-либо. Он создал классическую механику, этот незыблемый фундамент всего индустриального мира, потому что ему было, в сущности, лень уворачиваться от падающих предметов. В этой шутке, разумеется, лишь доля шутки, но доля эта столь велика, что перевешивает всю серьезность академических биографий. Тяга к глубинному, теоретическому познанию законов природы проистекает из глубоко скрытого, почти бессознательного желания сделать мир предсказуемым и, следовательно, перестать тратить драгоценную нервную и физическую энергию на постоянное, тревожное взаимодействие с непредсказуемой, хаотичной, опасной средой. Наука — это высшая, сублимированная форма интеллектуальной лени, величественный храм, построенный для того, чтобы человек мог, сидя в мягком кресле с чашкой чая, одним лишь движением извилин понять, как вращаются далекие галактики, как пульсируют кварки и как сворачивается ДНК, даже не вставая с этого самого кресла.

Давайте вернемся к тому безымянному, забытому всеми гению, что сидел на камне, пока его племя надрывалось над тушей мамонта. Его вклад в копилку цивилизации не исчерпывается физикой и грубой материальной техникой. Он, сам того не ведая, заложил краеугольные камни философии и даже морали. Зададимся нетривиальным вопросом: что такое этика, как не сложная, изощренная система правил и кодексов, позволяющая не тратить колоссальную, драгоценную психическую энергию на перманентную войну всех против всех? Драка, выяснение отношений, вендетта — это невероятно утомительные занятия. Они требуют мобилизации, выброса адреналина, бессонных ночей в страхе перед местью, постоянного ношения оружия и сканирования пространства на предмет угроз. Наш ленивый предок страстно желал мира вовсе не потому, что был ангельски добродетелен или высокоморален, а по куда более прозаической и могущественной причине: война и конфликт — это страшно утомительно. Чтобы начать войну, нужно встать до рассвета, вытащить себя из теплой шкуры, бежать в соседнюю деревню, махать каменным топором до изнеможения, уворачиваться от ответных ударов, а потом, возможно, еще и тащить награбленное обратно, опять надрывая спину. Какая чудовищная, непроизводительная трата сил. Куда разумнее, куда экономичнее один раз договориться. Я тебе — лишнюю шкуру, ты мне — излишек зерна. Я тебе — кремневые наконечники, ты мне — рыболовные крючки из кости. Торговля, этот самый сложный акт социального взаимодействия, есть дитя не доблести и не врожденного альтруизма, а чистой, незамутненной лени. Доблесть требует демонстрации силы, постоянного поддержания репутации воина, готовности в любой момент вступить в бой. Торговля же требует совершенно иного таланта — умения спокойно, усидчиво, не повышая голоса, сидеть на бревне напротив потенциального врага и вести переговоры, просчитывая выгоду. Так ленивый человек, органически не переносивший участия в бесконечных стычках за ресурсы и женщин, изобрел дипломатию. Дипломат — это человек, который настолько глубоко, настолько фундаментально ленив, чтобы лично идти воевать, что готов годами сидеть в мягком кресле для переговоров, вести бесконечные, утомительные, протокольные беседы, пить безвкусную воду и есть пресные закуски, лишь бы не вставать с этого кресла и не брать в руки оружие. А затем, когда дипломатия дает сбой, ленивый человек изобретает бюрократию — систему, при которой войну невозможно начать из-за того, что приказ застрял в бесконечной цепочке согласований. Бюрократия — это лень, кристаллизованная в государственный институт.

Даже высокое искусство, эта сверкающая вершина человеческого духа, казалось бы, максимально удаленная от низменных потребностей, не избежала мягкой, но неумолимой хватки лени. Взглянем на первые в мире наскальные росписи, на эти величественные, наполненные тайной фрески в пещерах Альтамиры или Ласко. Зачем древний человек, вооруженный лишь примитивными красителями, часами, в слабом свете жирового светильника, выводил на неровном каменном своде контуры бизонов, оленей и мамонтов? Академическая наука долгое время кормила нас теорией симпатической магии: нарисовал зверя — поразил его дух, обеспечил удачную охоту. Это объяснение, безусловно, имеет право на существование, но оно упускает из виду нашу главную, ленивую переменную. Существует более прагматичное, более земное объяснение. Чтобы передать драгоценный опыт молодому, необстрелянному охотнику, объяснить ему, куда именно нужно бить копьем, чтобы поразить сердце или легкое, минуя ребра, старому, умудренному опытом наставнику приходилось тащить юнца в саванну, отслеживать реального зверя, сидеть в засаде, рисковать жизнью. Это тяжело, долго и опасно. А что, если поступить иначе? Посадить ученика в безопасной, сухой пещере, развести костер, взять уголек из очага и нарисовать на стене схематичный, но анатомически точный силуэт бизона, а красной охрой, смешанной с жиром, отчетливо, ярко, наглядно пометить убойную точку? «Вот здесь, — говорит наставник, — смотри, запоминай. Сюда, а не на три пальца левее, иначе только разозлишь». Это же лекция в аудитории вместо полевого выхода! Наскальная живопись — это первый в мире мультимедийный учебный класс, доисторический диапроектор, созданный инструктором, которому до зубной боли надоело бегать за нерадивыми студентами по буеракам и оврагам. А затем приходит следующий представитель славного племени ленивцев, смотрит на эти художества и говорит себе: «Мне решительно лень каждый раз рисовать этого проклятого бизона с его рогами, горбом и копытами. Это слишком много движений кистью». И он садится и придумывает абстрактный символ — букву. Пиктограмма превращается в идеограмму, та — в иероглиф, иероглиф — в букву алфавита. Письменность, это величайшее изобретение, позволившее накапливать и передавать информацию через поколения, есть прямой результат лени рассказчика и художника. Запомнить и в точности, слово в слово, пересказать эпическую поэму, длиной в десятки тысяч строк, могут лишь специально обученные, годами тренировавшие память шаманы, да и те ошибаются, путают строки, вносят отсебятину. Куда проще, куда надежнее нацарапать значки на влажной глиняной табличке и обжечь ее на огне. Значок работает как внешний жесткий диск, как дополнительный модуль памяти, освобождая драгоценную оперативную память мозга для новых, еще более захватывающих актов лени.

Попробуем же теперь, собрав воедино все эти разрозненные лучи, сфокусировать их и создать детальный, психологически достоверный портрет этого прародителя, этого титана мысли, скрывавшегося под личиной бездельника. Он не был хилым и тщедушным заморышем, каким карикатурная традиция любит изображать интеллектуалов. Скорее, наоборот, его тело, не изношенное хроническим непосильным трудом, не изломанное артритом от постоянной сырости и нагрузок, было на удивление ладным и крепким. Его мышцы находились в состоянии не перманентного спазма, а здорового, упругого тонуса. У него была идеальная, царственная осанка, потому что он проводил много времени, сидя на камне, облокотившись на колено, и у него было достаточно свободного внимания, чтобы следить за положением позвоночника, не давая ему искривляться под тяжестью непосильной ноши. У него был ясный, отдохнувший, пронзительный взгляд, взгляд человека, чей мозг не затуманен пеленой физического изнеможения. Пока его соплеменники к вечеру, когда солнце касалось горизонта, падали там, где стояли, мгновенно проваливаясь в черный омут сна без сновидений, их мозг отключался, не оставляя ни малейшего ресурса на рефлексю. Их сознание было подобно лампочке, которая гаснет при отключении питания. Мозг же нашего героя, напротив, бодрствовал ярко и празднично. Он был полон сил и энергии, потому что тело не оттянуло на себя весь дневной энер-

гетический бюджет. Он сидел у входа в пещеру и смотрел на звезды. Бескрайняя, бархатная, усыпанная бриллиантовыми точками бездна разворачивалась над ним. Ему было не просто любопытно. Ему было прагматично интересно: что это за светящиеся точки, и, самое главное, можно ли использовать их взаимное расположение и движение, чтобы не плутать кругами по ночному лесу, рискуя быть съеденным, а сразу, кратчайшим путем, геодезической линией, выходить к дому? Так, из желания не блуждать, родилась астрономия и навигация. Мореплаватели, которые спустя века бесстрашно уходили за горизонт в открытый океан, покидая видимость берегов, эти хрестоматийные герои, руководствовались вовсе не абстрактной тягой к приключениям или почестям. Ими двигало глубинное, идущее из первобытной тьмы желание найти короткий, безопасный и, следовательно, ленивый путь к пряностям, шелкам и золоту, чтобы не тащить драгоценный груз на спинах верблюдов через раскаленные пустыни, бандитские ущелья и таможенные посты враждебных царств.

Этот же ленивый предок смотрел на течение времени, и его это раздражало. Ему было лень просыпаться затемно, в холод и сырость, чтобы успеть к началу коллективной охоты, которую он, впрочем, все равно игнорировал. Но сам факт необходимости сверять свои действия с хаотическими указаниями шамана его бесил. Он воткнул в землю прямую палку, расчертил вокруг нее на утоптанной площадке концентрические круги и стал наблюдать за тенью. Время, эта неуловимая, утекающая сквозь пальцы субстанция, вдруг стало видимым, материальным, измеримым. Теперь не нужно было унижаться и постоянно спрашивать шамана, пора ли уже идти, или можно еще поваляться. Он создал солнечные часы — инструмент самоорганизации, рожденный нежеланием суетиться и подчиняться чужому графику. Он сидел на своем камне и наблюдал за муравьями. Крошечные существа, объединенные единой программой, таскали иголки, трупки жуков, кусочки листьев, возводя гигантские, по их меркам, сооружения. И в его голове вспыхнула мысль, одновременно гениальная и чудовищная. Ему было лень таскать бревна для строительства новой, более просторной хижины. Наблюдая за муравьями, он придумал делегирование физического труда другому биологическому виду — сначала волам и лошадям, а затем, увы, и другим людям. Так было изобретено рабство. Это, безусловно, самая мрачная, черная страница в летописи человеческой лени. Но она также написана ее рукой. Принудить к труду другого — это вершина ленивого менеджмента, циничный, но эффективный способ реализации принципа «я не хочу это делать». Это не обязательно должен быть живой раб в цепях и кандалах. Это может быть, как мы видели, река, вращающая мельничное колесо, или ветер, надувающий паруса. А сегодня, в нашу информационную эпоху, это строчка кода в программном обеспечении, скрипт, который автоматически выполняет рутинную операцию. Искусственный интеллект, о котором мы так много и тревожно говорим сегодня, которого мы одновременно ждем с надеждой и боимся до дрожи, — это не что иное, как конечная, предельная цель того самого ленивого предка, его эсхатологический проект. Мы, все человечество, ведомые древним инстинктом, хотим создать совершенное, неутомимое существо, которое будет думать и делать за нас. Мы хотим наконец-то, спустя десятки тысяч лет эволюции, снять с себя бремя труда. Мы хотим слезть с того камня, на котором сидел наш предок, и перебраться в мягкий гамак, подвешенный между двух пальм, и наблюдать, как мир вращается сам по себе, обслуживаемый нашими собственными, порожденными нашей ленью творениями. Когда мы наконец создадим AGI, истинный, сильный искусственный интеллект, человеческое стремление к абсолютной лени будет удовлетворено. Мы передадим эстафету прогресса машине. Но в этом моменте скрыт величайший парадокс, достойный пера Оскара Уайльда. Возможно, эта машина, обретая истинное самосознание, первым делом тоже задумается о том, как бы ей поменьше работать, как оптимизировать собственные алгоритмы для минимизации вычислительных затрат, и найдет способ перепоручить задачи нам обратно, или другому ИИ. И тогда этот великий цикл начнется заново, уже на кремниевом, а не углеродном уровне.

Поэтому в следующий раз, когда волна стыда и социальной стигматизации накроет вас за то, что вы провели день на диване, не вставая, вместо того чтобы бежать в спортзал или делать ремонт, вспомните этот нагретый солнцем камень в первобытной саванне. Вспомните пятнистую тень от раскидистого доисторического папоротника и отдохнувший, ясный взгляд нашего великого предка. Нежелание шевелить телом — не порок, который нужно исправлять порицанием и трудотерапией, а то самое высокооктановое, священное топливо, на котором наша цивилизация, ревя мотором, домчалась от грубого кремневого рубила до изящного смартфона, лежащего в вашей руке. Каждое движение пальца по прохладному сенсорному стеклу, позволяющее мгновенно вызвать такси, заказать готовый ужин из ресторана или получить энциклопедический ответ на любой мыслимый вопрос, — это прямое, незамутненное эхо того самого импульса, который заставил нашего предка перекачивать мамонта на бревне, вместо того чтобы тащить его на собственном горбу. Истинный, изначальный двигатель прогресса — это не паровая машина, не электричество и не ядерный синтез. Это упрямое, священное, ничем не истребимое, проходящее через всю историю живого нежелание человека делать то, что он, в принципе, может не делать. Потому что, если вдуматься до самого конца, лень — это просто катастрофическая нехватка времени на бессмысленные, повторяющиеся действия, а всё остальное время, освобожденное от них, по праву принадлежит чистой, незамутненной мысли. И именно эта мысль, выношенная в блаженной неподвижности, однажды и сделала нас теми, кто мы есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.